

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Развлечение

Аннотация

«По деревянным мосткам города Медыни быстро шла девушка, одетая как барышня. На вид ей было лет двадцать пять. Бледное длинное лицо казалось чем-то озабоченным. Вся она была не привлекательна и не красива, а замысловатый провинциальный наряд еще больше портил ее фигуру с круглой, сутуловатой спиной...»

Содержание

I	4
II	8
III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Зинаида Гиппиус

Развлечение

I

По деревянным мосткам города Медыни быстро шла девушка, одетая как барышня. На вид ей было лет двадцать пять. Бледное длинное лицо казалось чем-то озабоченным. Вся она была не привлекательна и не красива, а замысловатый провинциальный наряд еще больше портил ее фигуру с круглой, сутуловатой спиной.

Она миновала ряды, длинное казенное учреждение вроде почты, затем небольшой городской садик около белого собора на берегу извилистой крутобережной реки Медыни. Вдали, за рекой, уже кончался городок, начиналась песчаная пустыня и синие сосновые леса. Под сентябрьским солнцем, ясным и холодным, и леса, и воды Медыни казались холодными, неприветными. Издавна городок Медынь считается почему-то местом живописным, а ввиду его недалекого расстояния от столицы удобным для дачного местопребывания. Медынские домовладельцы строят дачи и отдают их по возможно дорогим ценам. Но, несмотря на то, что дачи не пустуют – следовательно, в Медыни летом народу гораздо больше, весь этот народ не заметен. На улицах и в садиках

почти всегда глухое запустение. Многие жили в 2–3 верстах у помещиков в имениях. Везде кругом места были не веселые: песок, небо, сосны, да хорошо извилистая речка блестит среди желтых берегов.

Бледная девушка подошла к домику в конце города, где начиналось шоссе. Домик был выстроен по-зимнему, маленький, старый и неуклюжий; наискосок был трактир, валялась солома, стояли понурые лошади с пустыми телегами. Девушка хлопнула калиткой и через незапертое крыльцо вошла в переднюю, а потом в комнату побольше, довольно светлую, но убранную беспорядочно: тут валялись краски, тряпки, кисти, рамы: на стульях и на мольберте стояли намазанные холсты, а за столом, сбоку, где виднелась неубранная от чаю посуда, сидел не то дворник, не то лакей в сером замасленном пиджаке с пожилым темным лицом. Волосы он стриг под щетину, а редкая черная борода и усы придавали ему неопрятный вид.

Человек в пиджаке посмотрел на вошедшую и закричал злобно и визгливо:

– Да что это такое! До каких пор вы будете шататься? Посуда не убрана, Анисье в кухне дела много, Федька кричит: «где Лара?» А Лара изволит до третьего часу не являться.

Девушка, которую звали Лариса Викентьевна, отвечала не менее холодно:

– Сами знаете, не попусту хожу. Кончились уроки – и пришла, и визжать нечего.

С этими словами она швырнула на стул портфель, на котором было написано «Musique», и стала снимать шляпу.

Лара не иначе говорила со своим отцом, как ссорясь, и в ссорах проходили их дни. Кричал Викентий Иванович, кричала Анисья, кричал Федя, шестилетний Ларин брат, кричала и сама Лара. Она ухитрилась в Медыни найти уроки музыки несколько лет тому назад, и с тех пор хозяйство их немного улучшилось. Викентий Иванович был художник-любитель. Картин его никто не покупал, да и продать было бы негде. Этот маленький домик был его собственный, да были еще три дачи у полотна железной дороги – главный доход семьи. Викентий Иванович был человек не столько сердитый, сколько озлобленный. Случалось, он и пил, и во хмелю был буен.

– Послушайте, папаша, – сказала Лара, останавливаясь перед отцом в немножко трагической позе. У ней вообще и в лице, и в фигуре было что-то трагическое. – Сегодня Васютин приедет из своего имения звать вас туда гримировать на спектакль, – вы не вздумайте отказываться.

– Какой еще спектакль?

– Да ведь вы знаете, знаете прекрасно! – нетерпеливо заговорила Лара. – Устраивается спектакль с дачниками, и я принимаю участие – сто раз вам говорила.

– Что-то ты, матушка, слишком усердное участие в васютинских удовольствиях принимаешь, – ядовито заметил Викентий Иванович, – можно бы и поудержаться. Целое лето

только в Сосновку и прыгаешь.

– Ну, я с вами рассуждать не намерена, – презрительно сказала Лара, – я вас только предупредила, чтобы вы не вздумали отказываться. Да уберите вашу мазню, потому что стыдно, если Васютин приедет сам.

И, не заботясь ни о чайной посуде, ни о том, где ее братец, Лара вышла, хлопнув дверью.

II

С задней стороны домика не было сада, но зато длинный огород спускался почти к берегу Медыни. С одной стороны у забора стояла береза, а под березой – скамейка. Лара уходила на эту скамейку всегда, когда хотела быть одна. Береза была совсем желтая, бледная и грустная. Холодный ветер с особым, резким и свежим, запахом осени шевелил слабые листочки. Со стороны безмолвной и блестящей реки несло не то гарью, не то обветренным полем. Осенняя дымка стлалась на горизонте. Только море хвойных лесов за рекой не колыхалось-деревья были беззвучные и равнодушные: не все ли равно соснам, осень, или весна, или зима? Ларе было очень грустно. Может быть, ей хотелось плакать, но какая-то злобная решимость скрыть горе останавливала ее. Осень не принесет ей никакой перемены. Так же, как и прошлый год, и позапрошлый, и целых восемь лет она жила зимой, так же будет жить и теперь. Только дачники разъедутся, начнутся дожди и труднее станет пробираться на уроки по грязным улицам. Дома ссоры с отцом, с Анисьей, усчитывание копеек, ремонт по дачам к весне... и опять весна, и опять осень. Она странно – не думая – прожила эти года, только теперь в первый раз ей стало трудно. Она никого не видала, прямо из института 17-ти лет приехала сюда, и с тех пор уроки и ссоры, ссоры и уроки, знакомство с дачниками, редкое и неин-

тересное, потому что сама Лариса не казалась интересной со своим бледным лицом и неприятным характером. Среди постоянных жителей Медыни, с которыми Лара и ее отец общались немного, она слыла умной. Эту репутацию дало ей ее подсмеивание над людьми. Может быть, это был ум, а может быть, просто злоба.

Застучали колеса тележки. Лариса вскочила, выпрямилась и пошла к дому. Васютин уже входил на крыльцо. Это был человек лет тридцати, худой как жердь, с болтающимися руками, впалыми желтыми щеками и редкой, точно выдерганной, бородой. Он, впрочем, совсем не казался унылым и неприятным. Напротив, говорил скоро и живо, но, несмотря на свою болезненность и, может быть, благодаря ей, был порывисто весел и предприимчив. Говорили, что он из «простых» и что богатое имение «Сосновка» досталось ему случайно. Мать его, с которой он, как человек холостой, жил вдвоем, была женщина вовсе не образованная.

– Нет, уж, пожалуйста, пожалуйста, Викентий Иванович, – говорил он нежно и деликатно, – уж выручите нас, это прощальный спектакль: все почти дачники завтра уезжают; нам необходим гример. Вы художник, вы все должны; уметь. Вот просите, Лариса Викентьевна, – прибавил он, увидя входящую Лару.

– Да папаша поедет, он уже обещал, – отозвалась она, грациозно улыбаясь.

Старик было вздумал ломаться, отговариваться неуме-

нѣм, но его уговорили, и тут же Васютин его увез на своей тележке. Было еще рано, но Васютин хотел посоветоваться с Викентием Ивановичем насчет декорации и занавеса. Лариса обещала приехать к б часам.

III

Имение «Сосновка» лежало всего в двух верстах от города. Ехать нужно было сыпучими песками по сосновому лесу, невысокому, запыленному. Главный недостаток имения – это отсутствие всякой воды. Река Медынь обходила его стороной. Барский дом, совсем обветшалый, разлапистый, Васютин отдавал в наймы. В барском доме было жить невесело: он стоял совсем в стороне, в лесу.

А на открытом месте, голом, по берегу ручейка, Васютин выстроил целый ряд дач, маленьких, сквозных и недорогих. Сам он тоже поселился в этом ряду – для общества. Выстроил было он в сторонке и большую дачу с залами, бархатной мебелью, которой было, впрочем, чрезвычайно мало, с балкончиками и фронтончиками, но дача эта так и осталась пустая: люди, платящие за лето по тысяче рублей, не ездят в Медынь...

В этой пустой даче Васютин и решил устроить спектакль – потешить своих летних жильцов в последний раз.

Сентябрьские сумерки наступили рано. На сером небе с мигающими звездами чернели зубцами силуэты сосен, которые росли около пустой дачи: она, как и старый дом, была прямо в лесу. Громадная зала, без всякой мебели, скудно освещалась керосиновыми лампами. В одном углу поперек тянулась низкая занавесь, далеко не достигавшая до верху,

да и с боков она не доходила до стен, так что в этих местах пришлось закрыть платками и шальями. На «сцене» постлали ковер, поставили кресла. В беспорядке и без толку сновали барышни, девочки, маленький кадет и сам Васютин. В пустом доме было холодно и сыро. Поэтому на Васютине болталось зимнее пальто внакидку, а шея была обмотана шарфом. Сам он не играл, он был и режиссер, и костюмер, и суфлер и просто из сил выбивался, чтобы как-нибудь и что-нибудь устроить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.